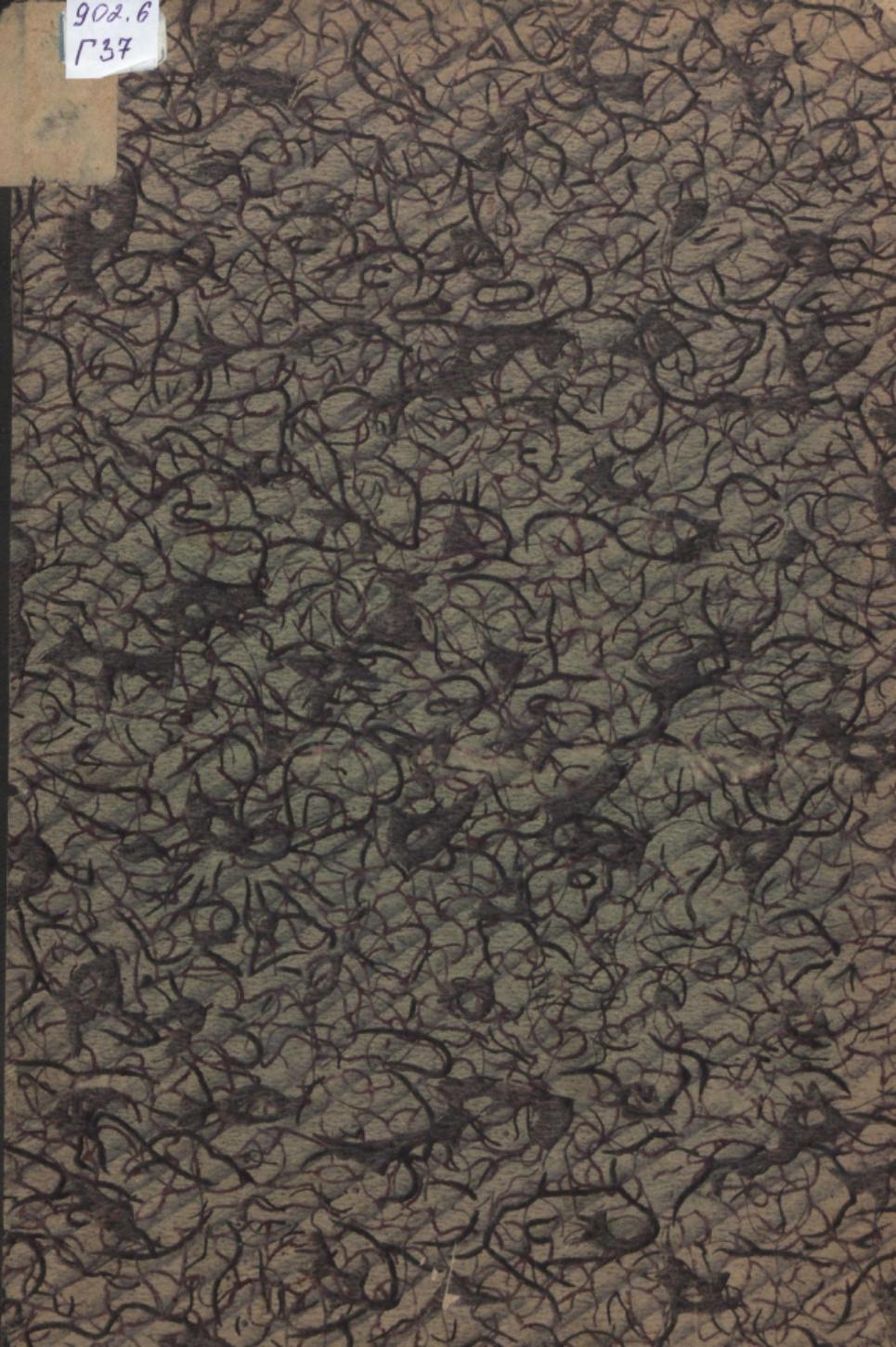

902.6
Γ37

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗДНЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

Всес. цен. Т. 2 000 000 З. 789-67

д/р бронзовый котелок...

500 206

Хранит
ХРАНИТЕЛЬ

902.
Р.34

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ РОССИИ,

ИЗДАВАЕМЫЕ

ИМПЕРАТОРСКОЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЮ КОМИССИЕЮ.

№ 88.

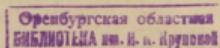
Гератский бронзовый котелокъ

559 года гиджры (1163 г. по Р. Х.)

изъ собрания графа А. А. Бобринского.

ОПИСАЛЬ

Н. И. ВЕСЕЛОВСКИЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1910.

Напечатано по распоряжению Императорской Археологической Комиссии.

Рис. 1, 10/9 инт. вел.

Въ числѣ дошедшихъ до насъ датированныхъ и богато орнаментированныхъ металлическихъ сосудовъ древняго мусульманскаго востока, одно изъ первыхъ мѣстъ¹⁾ принадлежитъ бронзовому котолку — по персидски *кузча* *қузыч* по саргасскому *кульчи* *қульчи* — украшающему художественное собрание графа А. А. Бобринского. Назначеніе котелка ясно само собою: онъ служилъ для переноса кашана. Этотъ котелокъ былъ купленъ въ Бухарѣ въ 1885 г. адъютантомъ туркестанскаго генераль-губернатора М. Н. Шавровымъ и отъ послѣдняго приобрѣтенъ его настоющими владѣльцемъ.

Издѣйствіе котелка частію трехпѣтной фотографіею въ исполненіи С. М. Прокудина-Горскаго съ рисунками, изготовленными Е. Б. Барсуковой и ею немногого дополненныхъ въ пострадавшихъ мѣстахъ, частію фототипіей, сдѣланной непосредственно съ оригинала. Детали воспроизведены посредствомъ пинкографическихъ клише.

Уже при поверхностномъ взглядѣ на котелокъ можно сказать, что онъ персидскаго происхожденія: во-первыхъ, по обію человѣческихъ изображеній, во-вторыхъ, по самимъ сложтамъ многочисленныхъ бытовыхъ сценъ. У мусульманъ суннитовъ не допускалось изображеніе людей ни въ видѣ рисунка, ни въ видѣ статуй. Конечно, встрѣчались исключенія, напр. на монетахъ, гербахъ, сосудахъ, даже мечетяхъ²⁾, но всестаки ограниченно. Благочестивы же правовѣрный не рѣшался нарисовать даже животное. Мусульмане отщепены, т. е. шайты, признающие только коранъ, а не преданія (сунну), не видѣли никакого запрета своимъ художественнымъ стремлѣніямъ и широко развили живопись, въ особенности миниатюрную.

Изследованій по данному вопросу существуетъ довольно много. Сводъ имъ сдѣлалъ профессоръ льежскаго университета Викторъ Шовэнъ³⁾, высказавший мысль, — съ которою,

1) Въ замѣтительномъ собраниѣ восточныхъ металлическихъ сосудовъ г. Мартинса, обнародованномъ, пока безъ текста, въ наданіи: *Ältere Kirferarbeiten aus dem Orient gesammelt von F. R. Martin*, Stockholm, 1902, на первой таблицѣ отпечатанъ распакованный блокъ, относимаго надателемъ, на основаніи палеографіи, къ XI-му столѣтію, истроитно по Лонгреру (см. *Oeuvres de A. De Longrier*, Paris, 1888, t. I, p. 388—9; воспроизведеніе соотвѣтствующей надписи находится вверху 389-й страницы), который опредѣляетъ такое именіе XI-муѣвѣковъ. На самомъ блокѣ года не находится, почему его и нельзя отнести къ числу датированныхъ; а признаки палеографические не совсѣмъ надежны, такъ какъ характеръ буквъ, вырезанныхъ на блокѣ, сохранился еще и въ слѣдующемъ столѣтіи.

2) Въ г. Самаркандѣ по сторонамъ лицеваго фасада мечети Шир-даръ находятся маюнковыя изображенія татаръ и земи.

3) *La dÃ©fense des images chez les musulmans*. Par Victor Chauvin. (*Annales de l'AcadÃ©mie d'ArchÃ©ologie de Belgique*. 4-e sÃ©rie, t. IX, 2-e et 4-e livraison).

однако, неизъяснимы согласиться, — что главная причина такого запрещения заключалась в суетномъ страхѣ народовъ востока передъ портретами и въ убѣжденіи, что художникъ, сдѣлавшій рисунокъ, приобрѣтаетъ духовную власть надъ оригиналомъ¹⁾. Остановливаться на литературѣ предмета, изъ которой видимъ имена выдающихся ориенталистовъ, какъ напр. Карабачека, неѣтъ надобности. Консультъ линии сущности дѣла.

Въ коранѣ нѣтъ определенныхъ и ясныхъ выражений на счетъ изобразительного искусства. Единственное указание, безусловно обязательное для всѣхъ мусульманъ, есть 92-й стихъ V-ой суры корана, который гласить:

بِاَيْمَنِ الَّذِينَ امْنُوا إِنَّمَا التَّبَرِ وَالْبَسْرُ وَالْأَنْصَابُ وَالْأَرْلَامُ يَرْسُ مِنْ عَلَى الشَّيْطَانِ فَاجْتَهِهُ لَعْلَكُمْ نُنْجَاوْنَ

«О, вы, которые вѣрюте! поистинѣ вино, игра въ мейсиръ, истуки и гадальныя стрѣлы²⁾ суть мерзость, изобрѣтеніе сатаны; воздерживайтесь отъ нея, быть можетъ вы достигнете блаженства!

Объ изображеніи живыхъ существъ здесь ничего не говорится, и только по распространительному толкованію это приравнивается къ дѣланію идола. Но за то *хадисы*, т. е. преданія объ изреченияхъ пророка Мухаммада, разъясняютъ вопросъ вполнѣ точно. Вотъ главнейшія изъ преданій по этому предмету³⁾. Однажды Аиша, «матерь правовѣрныхъ», купила для Мухаммада подушку (*qâsra*), на которой были изображенія; по этому поводу она сказала:

إِنَّ اصحابَ هَذِهِ الصُّورِ يَوْمَ الْقِيَمَةِ يَعْلَمُونَ فَيَقُولُ لَهُمْ احْبِوا مَا كَلَّفْتُمْ وَقَالَ إِنَّ الْبَيْتَ الَّذِي فِيهِ هَذِهِ الصُّورُ لَا تَرْكِلُهُ الْمُلْكَةُ⁴⁾.

«Тѣ, которые нарисовали эти изображенія⁵⁾, будутъ наказаны въ день воскресенія мертвыхъ и будетъ сказано имъ: «Оживите то, что вы создали!» И еще сказала: «Подлинно, не войдутъ ангелы въ тотъ домъ, въ которомъ находятся эти изображенія».

Въ главѣ о продажѣ изображеній, не имѣющихъ души, приводится слѣдующій хадисъ со словъ Са'ид-ибн-абѣ-Ахасана: «Былъ я у Ибн-Аббаса, какъ вдругъ пришелъ къ нему какой-то человѣкъ и сказалъ: «О, Абѣ-Аббасъ, я человѣкъ и средствою проникнанія мнѣ служатъ лишь то, что я работаю руками своими, а дѣло я въотъ эти изображенія». Ибн-Аббасъ отвѣтилъ: «Я разскажу тебѣ лишь то, что слышала отъ посланника Аллаха — да благословитъ его Аллахъ и привѣтствуетъ, — а слышала я, какъ она говорила: «Кто сдѣлываетъ изображеніе, того Аллахъ

1) L. c., p. 422—3.

2) Здесь разумѣются три гадальныя стрѣлы, на первой было написано: اسْرَنَى رَقْبَى (прикананіе), на второй — نَبَانَى رَقْبَى (запрещеніе), третья безъ надписи (требование подождать). Lane, Ar.-eng. lex., sub voce رَقْبَى Beidhawi, изд. Фейтмера, I, 246.

3) За сообщеніе ихъ я обязанъ арабисту А. Э. Шмидту, которому принадлежать и русскій переводъ текста.

4) بَعْلَارِيَّ، изд. Krehl'я, II, 18.

5) Комментаторъ поясняетъ: «художники, изображающіе то, у чего есть душа (الْمُحْسَنُونَ مَا لَهُ دُرْجَةٌ).

будет наказывать, пока онъ не вдунетъ въ него духа¹⁾, и не вдунетъ онъ въ него (духа) во вѣкъ! Тогда этотъ человѣкъ сильно встревожился, и поклоняясь лицо его, и сказалъ (Ибн-Аббасъ): «О, несчастный! если ты не можешьъ отказаться отъ производства (того, о чёмъ ты говорилъ), то изображай вѣтъ это дерево и всякую вещь, не имеющую душу».

بَابُ بِعْضِ التَّصَوِيرِ الَّتِي لَيْسَ فِيهَا رُوحٌ وَمَا يَكُرُهُ مِنْ ذَلِكَ

حَدَّثَنَا عِبْدُ الرَّحْمَانِ بْنُ عَبْدِ الرَّحْمَنِ بْنِ حَمَدَنَا عَوْنَى عَنْ سَعِيدِيْنَ أَبِي الْمَسْنَ فَالْأَنَّ كَسْتَهُ عَنْ أَبِي عَيْنَاسِ إِذَا أَتَاهُ رَجُلٌ قَالَ يَا بْنَ عَيْنَاسِ إِنَّ انسَانًا مَعْبُشَتِيْنَ مِنْ صَفَّةِ بَنِي إِبْرَاهِيمَ هُنَّهُ التَّصَوِيرُ فَقَالَ أَبِي عَيْنَاسِ لَا أَحِدُكُمْ إِلَّا مَا سَعَتْ (من) رَسُولُ اللَّهِ عَلَيْهِ وَسَلَّمَ بِقُولِ سَعْنَتِهِ بِقُولِ مَنْ صَرَرَ صُورَةً فَإِنَّ اللَّهَ مُعَلِّمٌ مِنْ يَنْتَغِي فِيهَا الرُّوحُ وَلَيْسَ بِنَافِعٍ فِيهَا إِدْرَا فِي الرِّبْلِ رَبُوتَةً شَرِيدَةً وَأَسْفَرَ وَجْهَهُ فَقَالَ وَعَلَكِ إِنْ أَيْتَ إِلَّا أَنْ نَصْعِنَ فَعْلَيْكَ بِهَذَا الشَّجَرِ وَكَلِّ شَيْ لَيْسَ فِيهِ رُوحٌ²⁾

Не привожу другие хадисы, из которыхъ вопросъ освѣщается не tanto определенно; же-лающіе найдутъ ихъ у Крея³⁾.

Это ограничение присущихъ человѣку духовныхъ способностей было настолько противовѣтственно, что даже сунниты, благоговѣюще передъ каждымъ изречениемъ Мухаммада, не безъ внутренней борбы признали наложенный на нихъ пророкомъ запретъ безспорнымъ догматомъ. Такъ, первый омейядскій халифъ Муавія чеканилъ диргемы и динары съ собственнымъ изображеніемъ; а на монетахъ селджуковъ и огузидовъ встрѣчаемъ такие сюжеты, которые, казалось бы, никакимъ образомъ не могли быть совмѣстны съ мусульманствомъ. Въ послѣднее время мусульманское искусство усердно изучается европейскими учеными, и въ трудахъ ихъ можно видѣть, какъ послѣдователи Мухаммада нарушили его предписаніе относительно изображенія живыхъ существъ.

На сколько персияне отнеслись отрицательно къ этому запрету, видно изъ того, что они свободно рисовали самого пророка Мухаммада, совершающимъ на фантастическомъ Боракѣ «ночную поѣздку» въ Иерусалимъ съ предвестующими ему архангелами Гавріломъ; а особенно часто изображали они зятя пророка, халифа Алья. Уступка духу ислама со стороны шайтана выражалась иногда тѣмъ, что лица на картинахъ не обозначались, а представлялись завѣшанными платкомъ.

Изъ предметовъ природы мусульманские художники безпрепятственно могли изображать растенія, чѣмъ и воспользовались для декоративныхъ цѣлей и достигли въ этой области удиви-

1) Иршадъ IV, 103. Комментаторъ добавляетъ отъ себя: «И указываетъ (Ибн-Аббасъ) на то, что (подобный человѣку) заслуживаетъ такое наказаніе, ибо осмысливается творить образы животныхъ, что со-ставляетъ преграду Аллаху великаго и славнаго; изображеніе же неодушевленныхъ предметовъ подъ это понятіе не подходитъ и въ немъ неѣтъ бѣдо».

2) Krehl, II, 40—41, № 104.

3) T. II, 13 (изъ отдала (كتاب البیبع), гдѣ говорится, что Мухаммадъ проклялъ художника; 43, № 116, гдѣ сообщается о продажѣ падаи и идоловъ.

тельного совершенства, какъ по части техники, такъ и по красотѣ композиціи. Главныи мотивъ у нихъ явилась виноградная лоза, свернутая кругами или спирально, одинъ въ другомъ, или рядами, одинъ за другимъ. Къ виноградной лозѣ они стали присоединять цветочки лилии и листья лотоса.

Древнее арабское письмо, известное подъ именемъ куфического, примѣнявшееся арабами всюду, а также для оживленій орнамента, по начертанію своему было способно усилить художественное впечатлѣніе. Въ болѣе новыхъ почеркахъ, какъ сусъ и азъмъ, занятыхъ, росчерки, въ особенности выступающія вверхъ буквы давали красавый бордюръ на растительномъ фонѣ; вотъ почему членъ *ل* ставился иногда вопреки правиламъ грамматики только по требованію симметріи.

Для каждой категоріи предметовъ въ мусульманскомъ искусствѣ установленъ свой кругъ надписей, подходящихъ къ нимъ по смыслу. На мечетяхъ помѣщаются стихи изъ корана и хадисы; двери могутъ украшаться стихотвореніями и изреченіями свѣтскаго содержанія; на монетахъ помѣщается основной мусульманскій символъ и азъль-курс, имена первыхъ четырехъ халифовъ; къ оружію примѣняются изреченія изъ корана, причемъ для шлема одни, для меча другія, для щита треты и т. д. Вещи домашнаго обихода призываютъ слабить всевозможными благожеланіями владѣльця, причемъ однородные предметы, смотря по обстоятельствамъ, могутъ иметь совершенно различные надписи. Такъ, подсѣбчики для дома будуть иметь благія пожеланія обладателю; а подсѣбчики для мечети вместо этого будутъ содержать благочестивые стихи. Наборъ всякихъ добрыхъ пожеланій можетъ быть очень великъ, и если кроме того есть другихъ указаний, ни о мастерѣ, ни о владѣльце, ни о мѣстѣ и времени изготавленія предмета, то такіе безодержательныи изреченія, аими часто все и ограничивается, не имѣютъ для насъ никакого научного интереса. Даже въ палеографическомъ отношеніи подобныи надписи не всегда имѣютъ значеніе и не всегда помогаютъ опредѣлить время, если они только скопированы съ древнихъ образцовъ. Иногда надписи совсѣмъ не поддаются чтенію; это въ тѣхъ случаяхъ, когда мастеръ подражаетъ арабскимъ письменамъ, самъ не умѣя ихъ читать.

Тѣмъ болѣе приходится пытаться тѣ произведения мусульманского востока, которымъ содержитъ въ себѣ хронологический и исторический свѣдѣнія. Къ числу такихъ и принадлежитъ бронзовыи сосуды графа А. А. Бобринскаго.

Металлическая посуда на мусульманскомъ востокѣ чрезвычайно разнообразна. Тѣмъ не менѣе видно, что уже въ древности въ какомъ-то художественномъ центрѣ выработались опредѣленныи типы этой посуды, послуживши затѣмъ образами для различныхъ странъ и различныхъ народовъ Востока. Напримеръ, для кувшиновъ нѣкогда припала была форма ручки въ видѣ изогнувшейся эмѣи; эта подробность давно уже забыта, теперь изображеніе эмѣи на ручкахъ не встрѣчается, но старинная форма изгиба ихъ сохранилась и по настоящему.

Котелочки сдѣланы изъ бронзы золотистаго цвѣта, инкрустированы серебромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наведены для большей пестроты рисунка красною мѣдью, полученнюю, если не ошибаюсь, травленіемъ. Красная мѣдь чередуется съ серебромъ. Инкрустациія сдѣлана холдинымъ способомъ: въ приготовленный раздѣломъ рисунокъ набиты изъ серебряной проволоки пластинки, которыи легко отпадали, особенно часто въ тѣхъ случаяхъ, когда гнѣзда для нихъ были значительныхъ размѣровъ, напр. для человѣческаго лица. Пластинки покрыты гравировкой, лица

изображены шаблонно и однообразно; размѣры фигуръ не соблюдаены въ надлежащей пропорції (табл. I, VII и VIII).

Весь котелокъ вмѣстѣ съ верхнимъ ободкомъ, дномъ съ наружной стороны и ручкою покрыты сплошною орнаментациею: только нижний раструбъ, служацій постаментомъ, свободенъ отъ вскихъ украшеній. Внутри котелка также нѣтъ рисунковъ, тогда какъ въ низкихъ чашахъ очень часто изображаются на внутренней сторонѣ для сценъ съ человѣческими фигурами, рыбки, арабески или что-нибудь въ этомъ родѣ. Надо думать, что въ котелкахъ не примѣнялся внутренний орнаментъ.

Начну описание котелка съ ручки, на которой находится самая существенная надпись, а именно обозначение времени его изготовлѣній. Ручка не сохранилась вполнѣ, въ ней не достаетъ колыча, для которого было сдѣлано отверстіе въ серединѣ ея. Ручка имѣть форму полуокруглой дужки, концы которой изображаютъ лежащаго льва. У просверленного отверстія съ двухъ сторонъ, по четыремъ гранямъ ручки, находятся львины морды, обращенные къ отверстію; всего ихъ восемь.

Надпись на ручкѣ (табл. III).

Верхняя (рис. 2).

Рис. 2, nat. vel.

بتاريخ شهر المحرم سنه تسع ○ وحسن وحسن مائة

Въ лѣтосчислѣніе мѣсяца мухаррѣма, года 559 (=декабрь 1163 г.).

Мусульманскій 559-й годъ начался 30 ноября 1163 г. нашей эры, и первый мѣсяцъ, мухаррѣмъ, соотвѣтствовалъ декабрю.

Первая боковая сторона:

والدوله والسعادة ○ والعافية والنظامه⁽¹⁾ وـ

И господство, и счастіе, и здоровье, и порядокъ.

Буквы *ل*, поставлены или для симметріи, или для заполненія пустого мѣста.

Вторая боковая сторона:

والراحة والكرامة والنا ○ مـهـ وـالسلامـهـ وـالبـغـاـ

И спокойствіе, и милость, и совершенство, и спасеніе, и вѣчность.

Надпись на ободкѣ котела (табл. IV).

По ободку котела, имѣющему ширину 0,12 сант., идеть арабско-персидская надпись, содержаніе которой является въ высшей степени существеннымъ, какъ относительно мѣста, где

1) Это необычно слово, въ словаряхъ не встрѣчающееся, изображено совершенно ясно; грамматически его образованіе вполнѣ допустимо.

быть сдѣланъ данный предметъ, такъ и лицъ, которыя принимали участіе въ изготавлѣніи его. Быть можетъ, въ будущемъ удастся найти въ литературѣ упоминаемыя здѣсь имена и тѣмъ еще лучше освѣтить происхожденіе котелка. Сочетаніе арабскаго текста съ персидскими для данного времени любопытно, такъ какъ свидѣтельствуетъ, что персидскій языкъ тогда уже началъ пользоваться равноправіемъ съ арабскимъ въ официальныхъ документахъ. Надписи значительно пострадали: не только часть серебряной инкрустациіи исчезла, но даже желобки для буквъ мѣстами сгладились; тѣмъ не менѣе, при содѣйствіи профессора В. А. Жуковскаго и А. К. Маркова, удалось полностью восстановить текстъ, кроме одного слова, значительно поврежденного. Всѣ надписи дѣлятся на четыре равныя части: во-первыхъ, скобки для ручки раздѣляютъ ее пополамъ, во-вторыхъ, каждая половина имѣеть по серединѣ текста розетку изъ кружковъ.

Чтеніе получается такое (табл. VI, № 2):

(1) فرمودن ابن خدمت را عبد الرحمن بن عبد الله الرضي

(2) ضرب (?) محمد بن عبد الواحد عمل حاجب مسعود بن احمد النقاش هرارة

(3) لصاحبه خواجه اهل رکن الدين فخر التجار امين (?) المسلمين زین الماح

(4) والمرمنين رشید الدين عزیزی بن ابو المسین الزعما (? دام عزه

То-есть:

1) Возложилъ эту службу (дѣло) Абду-Рахманъ, сынъ Абдуллаха Рашиди.

2) Чеканъ (?) Мухаммеда, сына Абд-уль Вахида; работа Хаджиба⁴) Маstryуда, сына Ахмада, рисовальщика Герата.

3) Для владѣльца его (т. е. котелка), превосходнаго ходжи Руки-эд-Дина, славы купцовъ, довѣреннаго лица вѣрующихъ, красы пилигримовъ

4) обѣихъ свитынъ (т. е. Мекки и Медины), Рашид-эд-Дина Азиза, сына Абуль-Хуссейна Зенджанскаго, да длится слава его!

Ободоръ сперуки украсены изображеніями птичекъ, размещенныхъ парами: одна птица обращена къ другой, причемъ кловы ихъ сходятся вмѣстѣ, какъ бы для поѣзда. Одна имѣеть тѣло изъ накладного серебра, а крылья наведены красною мѣдью; другая — наоборотъ: тѣло обозначено мѣдью, крылья же серебромъ. Такихъ паръ 32 (табл. I).

Кузовъ котелка раздѣленъ на пять поясовъ полосами красной мѣди, и каждый поясъ имѣеть свой самостоятельный и законченный рисунокъ, независимый отъ тѣхъ рисунковъ, которые помѣщены на другихъ поясахъ.

1) Это слово является сомнительнымъ. Предположительно можно допустить, что здѣсь стояло существительное, соответствующее дальнѣйшему عمل (работа); такъ какъ пространство очень ограничено, не болѣе какъ для трехъ буквъ, и такъ какъ последняя буква можетъ быть принята за بـ, то я и полагаю, что въ данномъ мѣстѣ находилось ضرب (чеканъ), и смыслъ былъ бы тотъ, что одинъ мастеръ рисовалъ, другой чеканилъ.

2) Начертаніе допускается чтеніе: امين (помилитель); но такъ какъ титулъ «членъ мусульманъ» есть принадлежность прежде всего халифовъ, а затѣмъ полувезависимыхъ мусульманскихъ владѣльцевъ, и не совмѣстимъ съ купеческимъ значеніемъ, то я и полагаю, что здѣсь надо читать: امين

3) Такъ какъ у этого слова быть диакритическихъ точекъ, то чтеніе этого прозвища можетъ быть и иное.

4) Хаджибъ значить: камергеръ; но здѣсь, вѣроятно, другой смыслъ этого слова.

Первый лосось. Онь состоять изь фигурной надписи и четырехъ круглыхъ медальоновъ, раздѣ-
лиющихъ надпись на четыре равныя части (табл. II, двѣ нижнія полосы).

Медальоны имѣютъ рамку, состоящую изь лепестковъ или лучей, сдѣланныхъ изь серебра
и изь красной мѣди, чередующихся между собою. Первымъ медальономъ я считаю тотъ, отъ
котораго начинчается надпись.

1) На тронѣ возвѣдѣаетъ съ поджатыми ногами, лицомъ къ зрителю молодой человѣкъ, пови-
димому, царственная особа; на головѣ у него тюрбанъ, въ видѣ низкой шапочки, лѣвая рука его
протянута надъ высокими сосудомъ, правую онъ опирается въ бедро, на которомъ лежитъ мечъ.
Тронъ утвержденъ на невысокихъ ножкахъ, между которыми находится серебряная дуга; онъ
имѣетъ по обѣимъ сторонамъ столбики, обычно изображающіеся на металлическихъ сосудахъ
среднѣѣгипетскаго мусульманскаго периода, и на этихъ столбикахъ сдѣлано украсеніе изь серебря-
ныхъ драконовыхъ головъ, открытые пасти которыхъ обрамлены къ сидѣнію на тронѣ человѣку.
Столбики сдѣланы изь красной мѣди, нижнія части ихъ, кроме одного столбика,—изь серебра¹⁾.

2) Сидящій на тронѣ человѣкъ имѣеть шапочку съ лентой²⁾; лѣвая рука его приподнята,
правая находится на груди.

3) Человѣкъ, сидящій на тронѣ, соотвѣтствуетъ первому; онъ правую руку опустилъ на
бедро, лѣкую простирая надъ сосудомъ.

4) Человѣкъ, находящійся на тронѣ, правую руку опустилъ на бедро, а лѣкую протянулъ
къ чашѣ. У него на головѣ шапочка, какъ у первого. У всѣхъ лица окружены пимбомъ.

Арабская надпись — съ обычными благими пожеланіями, но въ необычномъ исполненіи.
Верхнія части буквы *алифа* и *лямма* переходятъ въ изображенія людей, которые поставлены въ
позы, вѣзванныхъ характеромъ и положениемъ буквъ; эти люди, представленные то сть бородой, то
безъ нея, находятся въ движеніи или въ борьбѣ другъ съ другомъ; у нихъ въ рукахъ разные
предметы, какъ то: сабли, луки, кубки, арфа (?), цвѣтокъ, вѣнокъ или кругъ. Нѣкоторыя буквы
прямо имѣютъ видъ животныхъ, напримѣръ, дракона съ разинутой пастью, буква *ваф* замѣнена
рыбой, буква *ғағ* — головой рогатаго звѣри; у иныхъ помѣщаются человѣческія лица³⁾. Нѣ-
которыя фигуры сплошь серебряныя, у другихъ туловище покрыто красною мѣдью. Надпись (на-
чало ея въ верхней части) поясъ отъ первого медальона вѣтко читается такъ:

العر والأخبال والدوله والر ○ امة والسعادة والشفاعة والر ○ امة والسلامة والعافية وا ○ النصرة
والسكنة والبنا لاصاحجه ○

Слава, и успѣхъ, и господство, и спокойствіе, и счастіе, и заступничество, и долголѣтіе, и спас-
еніе, и здоровье, и побѣда, и благоденріе, и вѣчность владѣльцу его.

1) Объ этомъ тронѣ см. дальше, стр. 15 — 17.

2) Ленты напоминаютъ головные повязки у сасанидскихъ царей, называемыя «косынки» и обязательныя
каждому послѣдователю царствия Зороастризма съ 15-лѣтнаго возраста; но вѣрѣю предположить, что это тюр-
баны шарфы. — См. о немъ К. А. Иностранцева «Торжественный выездъ Фатимидскихъ халифовъ» (изъ
Записокъ Вост., отд. И. Р. А. О. т. XVII, стр. 107).

3) Подобную надпись въ первый разъ обнаружилъ Лонгѣрье въ *Revue Archéologique* 1844—45 г.,
въ статьѣ «Notice sur une coupe arabe conservée au dpartement des antiquites de la Bibliothèque royale». (Oeuvres de A. De Longprier, T. I, Paris 1883, pp. 349—357). Она изображена на такъ называемомъ
бантстерию святого Людовика.

Второй поясъ. Содержание рисунковъ составляютъ: состязанія, игры и угощеніе съ музыкой и пѣніемъ.

Начало рисунка опредѣляется серебряной пальметкой, состоящей изъ фигураного (декоративного) сосуда съ вложенными въ него цветами. Отсюда и будемъ рассматривать содержание изображенныхъ сценъ, ил., какъ принято на Востокѣ, справа налево. Всего здесь 20 отдельныхъ сценическихъ группъ, связанныхъ между собою только вѣшнимъ образомъ, а именно общимъ характеромъ взятаго мотива, но свободно раздѣляющихся на отдельные самостоятельные сюжеты (табл. V, верхняя группа).

Сцена 1-я. Два человѣка съ клюкообразными бородами, въ шапкахъ съ одной повязкой или лентой у каждой, сидятъ поджатыми ногами, играютъ въ наряды¹⁾; на доскѣ брошены кости; у лѣваго игрока въ правой руцѣ кубокъ, у колѣй его три серебряные кружки, можетъ быть деньги или костишки.

Сцена 2-я. Два человѣка въ такихъ же шапкахъ, стоя, состязаются на палкахъ²⁾.

Сцена 3-я. На скѣльномъ, имѣющемъ форму литавры, расположился человѣкъ съ бородой, въ шапочкѣ съ одной лентой; передъ нимъ стоитъ барабанъ или нарамъ³⁾, по которому онъ удѣляетъ двумъ плащикамъ; вверху находится какой-то предметъ въ родѣ палицы.

Такъ какъ барабанъ для игры полагается два, то и первый предметъ, на которомъ сидѣть музыкантъ, можетъ быть принять за барабанъ, неудачно помѣщенный мастеромъ, какъ скѣль; музыкантъ полагается сидѣть на полу.

Отъ музыканта идетъ вѣдно молодой (безбородый) человѣкъ, держащий обѣими руками инструментъ, похожий на гармонику⁴⁾, и, повидимому, играющій на ней.

Сцена 4-я. Бородатый человѣкъ со шлемомъ (конусообразная шапка) на головѣ опирается лѣвой рукой на палку, оканчивающуюся шаромъ^(?) (предметъ этотъ имѣеть видъ заступа), и, кажется, играетъ на дудкѣ, похожей на кларнетъ⁵⁾. Передъ нимъ стоитъ молодой человѣкъ, имѣющій за поясомъ книжалъ.

Сцена 5-я. Бѣгущій вѣдно молодой человѣкъ несетъ въ правой руцѣ кубокъ, отъ шапки разѣваются двѣ ленты; сабля, прикрепленная у пояса, откинулась впередъ. Повидимому, онъ прислуживаетъ далѣе сидѣщему съ поджатыми ногами бородатому человѣку, который со-

1) Игра въ наряды *تَرْكِيَّة* очень распространена въ Персии; она состоитъ въ томъ, что шашки передвигаются по доскѣ на основаніи числа очковъ, оказывающихся на костяхъ, подбрасываемыхъ вверхъ.

2) Состязаніе на деревянныхъ наложахъ въ прежнее время у персіянъ было очень серьезнымъ упражненіемъ. Въ Шахнамѣ такій налож называется *гура* *جُرَّ* (*جُرَّ*) и на миніатюрахъ отличается отъ боевыхъ наложъ, называемыхъ по персидски *گوچَلَلَ* *gauchal*.

3) Барабанъ по арабски — *تابل* *تَابِل* и на нарарѣ *نَارَرَ*, что зависитъ отъ формы его; по персидски нараръ *نَارَرَ*. Отсюда и наше русское название нарамъ. Этотъ музыкальный инструментъ пользуется на Востокѣ большою распространенностью.

4) Инструментъ вродѣ гармоники, т. е. издающий звуки при помощи сжиманій мѣха, является, если допустить, что здесь действительно музыкальный инструментъ, совершенною неожиданностью, такъ какъ ничего подобного на мусульманскомъ востокѣ мы еще не встрѣчали. Но, разсуждая теоретически, тутъ нѣтъ ничего невозможнаго. Подобный инструментъ нарисованъ вполнѣ отчетливо внутри каменного греческаго саркофага, открытаго въ г. Керчи въ 1900 г. и хранящагося теперь въ Имп. Эрмитажѣ.

5) Такой инструментъ у персіянъ называется *قَبْرَنَى* *qabernâ* (первоначально значитъ тростникъ) и *قَرْنَى* *qarnâ*.

хранился очень плохо: видна только лента от шапки, съ завиткомъ съ правой стороны головы.

Сцена 6-я. Два сидящихъ молодыхъ человѣка, обращенныхъ другъ къ другу: одинъ изображенъ бокомъ, направленъ въ лѣвую сторону съ протянутыми впередъ руками, и повидимому, означаетъ пѣвца. Другой держитъ въ рукахъ бубень¹⁾; у шапки имѣются ленты.

Сцена 7-я. Группа изъ трехъ сидящихъ молодыхъ людей. Первый, обращенный влѣво, играетъ на арфѣ. Второй, обернувшись къ первому, играетъ на лютнѣ, на которой обозначены 5 струнъ и рука играющаго; у инструмента привязана лента, спускающаяся внизъ²⁾. У обоихъ на шапкахъ по одной лентѣ. Третій молодой человѣкъ сидитъ, поджавши ноги, и слушаетъ музыкантовъ; у него на головѣ шапка съ двумя лентами, цѣткъ въ лѣвой руцѣ; правую руку онъ держитъ у пояса; передъ нимъ чашка на ножкѣ съ тремя круглыми плодами, кажется, съ яблонями.

Сцена 8-я. Два человѣка съ бородами; правый, припавъ на лѣвое колѣно, держитъ въ проподнятой правой руцѣ сильно согнутый рогъ для птицы; лѣвый человѣкъ, въ шапкѣ безъ ленты, сидитъ на скамейкѣ и держитъ въ лѣвой руцѣ кубокъ, а въ правой — остроконечную булану, или знакъ власти. Передъ нимъ подносы, установленный тремя сосудами: 1) кубокъ, 2) высокий сосудъ, который можно принять за стеклянный графинъ, потому что на горьышкѣ изображенъ ручинъ, какъ бываетъ на стеклянныхъ кувшинахъ, и 3) конусообразный сосудъ съ подобнымъ же ручиномъ.

Сцена 9-я. Два сидящіе другъ противъ друга человѣка, лѣвый съ бородой, правый безъ бороды; они сцепились руками и, кажется, недуть борьбу. У лѣваго ленты на шапкѣ пѣть, у праваго лента перегнулась колычомъ.

Сцена 10-я. Два человѣка. Правый, съ бородой и въ шапкѣ съ одной лентой, держитъ въ правой руцѣ кубокъ, а лѣвую протянулъ къ чашѣ на ножкѣ съ мелкими плодами; передъ нимъ молодой человѣкъ, припавши на правое колѣно, подноситъ цѣткъ.

Сцена 11-я. Группа изъ трехъ сидящихъ музыкантовъ. Правый, въ шапочкѣ съ лентой, обращенный лицомъ къ зрителю, держитъ въ рукахъ бубенъ. Другой, сидящій бокомъ, играетъ на арфѣ; шапка у него съ двумя лентами. Лѣвый, въ шапкѣ съ лентой, обернулся къ нимъ и играетъ на лютнѣ, у которой лента поднялась вверхъ; передъ нимъ чаша на подставкѣ съ тремя яблонями. Серебряная инкрустация, какъ здесь, такъ и дальше, въ значительной степени выкрошилась, а гнѣзда для нея складились.

Сцена 12-я. Группа изъ трехъ молодыхъ людей. Центральный сидѣть прямо и держитъ

1) Круглый бубенъ по персидски: деф *ڈەف*. Въ нашихъ старинныхъ документахъ, касающихся Персіи, встречается выражение бѣть въ дофѣ.

2) Этотъ инструментъ называется по арабски: эль-уд *العود* (отсюда итальянское *Listo*, а потомъ наша лютня), по персидски: доибара *دویبارا* (вами донрачен — музыканты на дондрѣ) и талбур *تالبور*. Восточная лютня имеетъ ту особенность, что дощечка съ колками загибается внизъ. Число струнъ въ разное время было различно: отъ 4 до 14. Здесь намѣчено 5 струнъ, поэтому опредѣленіе инструмента будетъ: панчтар *پانچتار* — пятиструнныи. А. С. Фаминицъ, «Дома и сродные ей музыкальные инструменты русского народа», С.-Пб. 1891. Проф. Эм. Науманъ, «Иллюстрированный лесобиблия исторіи музыки», перев. съ польск. Н. Финдѣевъ, С.-Пб. 1896. Статья Сарре и Фанз-Бернхема въ *Mannheimer Jahrbuch der bildenden Künste*. 1907.

въ лѣвой руцѣ кубокъ, а правую опустить на бедро. Правый человѣкъ обращенъ къ центральному и поднять правую руку надъ высокимъ сосудомъ, лѣвая противна та поясу. Лѣвый человѣкъ сидѣть бокомъ (а можетъ быть присѣть на правое колѣно) и подаетъ чашу съ тремя яблоками, держа ее за ножку. У него шапочка съ лентой.

Сцена 13-я. Два сидящіи одинъ противъ другого человѣка, повидимому, бесѣдуютъ, жестикулируя руками. Между ними сосудъ на ножкѣ съ тремя яблоками. На шапкахъ ленты.

Сцена 14-я. Два молодые человѣка. Правый играетъ на арфѣ, лѣвый держитъ цветокъ. Между ними фігурный сосудъ въ видѣ двухъ растрѣбруютъ съ шаромъ посрединѣ. Отсюда сохранность котелка до нѣкоторой степени восстанавливается.

Сцена 15-я. Группа изъ двухъ человѣкъ. Правый сидѣть бокомъ передъ сосудомъ съ плодами и, кажется, держитъ цветокъ въ руцѣ. Лѣвый несеть на плечахъ столъ, судя по утолщению въ серединѣ, круглый, поддерживая его за ножки; на столѣ помѣщены два сосуда и два кубка. Можетъ быть, это столъ съ обрядовыми ястиями¹⁾.

Сцена 16-я. Два человѣка. Колѣнопреклоненный бородатый человѣкъ поднять правой рукой сильно изогнутый рогъ для питья. Второй, молодой, присѣть на лѣвое колѣно, держитъ въ высоко поднятой правой руцѣ ножкѣ или книжалъ; лѣвая рука опущена къ пяткѣ ноги; этотъ человѣкъ направленъ въ лѣвую сторону, по лицо оно повернуто къ зрителю. Между этими двумя действующими лицами находятся, повидимому, сосуды.

Сцена 17-я. Два сражавшіеся человѣка. Правый съ бородой, въ шапочкѣ съ лентой, нападаетъ или обороняется мечомъ, находящимся въ правой руцѣ; лѣвая приподнята. Другой (лѣвый) молодой, въ шапочкѣ безъ ленты, сгѣбаетъ изъ лука, оттянувъ тетиву къ уху, по персидскому обычью.

Сцена 18-я. Два человѣка съ бородами. Лѣвый сидѣть, поджавши ноги; на немъ шапочка съ двумя лентами. Второй, идя къ нему, подносить правою рукою кубокъ, а въ лѣвой — предметъ въ видѣ большого древесного листа; другой сидѣть нѣсколько бокомъ и держать въ правой руцѣ кубокъ. Между ними стоять два высокихъ фігурныхъ сосуда.

Сцена 19-я. Группа изъ двухъ молодыхъ сидящихъ людей, въ шапочкихъ при одной лентѣ на каждой; правый, обращенный лицомъ къ зрителю, держитъ въ правой руцѣ цветокъ, а въ лѣвой — предметъ въ видѣ большого древесного листа; другой сидѣть нѣсколько бокомъ и держать въ правой руцѣ кубокъ. Между ними стоять два высокихъ фігурныхъ сосуда.

Сцена 20-я. Группа изъ трехъ лицъ. Лѣвый, молодой человѣкъ, въ шапкѣ съ лентой, сидѣть лицомъ къ зрителю, оперинясь руками на бедра; передъ нимъ подноси съ тремя сосудами: 1) стаканъ или чарка, 2) сосудъ конусообразной формы съ ручицомъ на горльшинѣ и 3) высокий сосудъ: выше подноса, очевидно за недостаткомъ места, изображенъ чашка на ножкѣ съ тремя яблоками. Передъ человѣкомъ помѣщены два музыканта; ближайшій къ нему сидѣть бокомъ съ поджатыми ногами, на немъ шапочка съ перегнувшейся колыцемъ лентой; онъ играетъ на арфѣ. Второй въ шапочки безъ ленты играетъ на кларнетѣ.

Третій поясъ (табл. VI, верхняя группа) украшенъ поздне-куфическимъ надписью, содержаніе которой составляютъ благія пожеланія въ очень большомъ количествѣ. Надпись имѣть ту особен-

1) См. К. А. Иностранцева «Сасанидскій праздникъ весны» («Сасанидскіе этюды», С.-Пб. 1909, стр. 95—98).

ность, что среднія части выступающихъ буквъ образуютъ плетенку, придающую начертаніямъ видъ краснаго узора. Этотъ способъ составлять арабески изъ буквъ былъ на Востокѣ очень распространено и иногда отличался еще большею сложностью, чѣмъ на нашемъ сосудѣ¹⁾. Здесь, быть можетъ по недостатку мѣста, плетенка сравнительно простая; но возможно допустить, что въ то время, когда изготавливалась наша котелокъ, этотъ приемъ только развивался и еще не достигъ такого совершенства, какое обнаружилось впослѣдствіи.

Во многихъ мѣстахъ серебряная инкрустация выпала, возстановить слова приходилось по желобкамъ, вырѣзаннымъ въ бронзѣ, тѣмъ не менѣе пѣсколько словъ были для меня сомнительны и для прочтѣнія ихъ я обращался къ профессору Н. А. Мѣдникову, который и оказалъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ существенную помощь.

Текстъ.

بالین والبرکة والدولة والسلامة والسعادة والشاعنة والثانية والكرامة والشکرۃ والناصر والتصرة
والسعادة والتائید والراہمة والغفرة والعافية والنظامة والفویة والعنف ونیابة والعنیبة والنداومة والحمدیة
وال قادر والقیسیة والرحمة واللیقا لاصحاجه

Переводъ.

На счастье и благословеніе, и господство, и спасеніе, и счастіе, и заступничество²⁾, и совершенство, и почтѣ, и благодарность, и защита, и помощникъ (вм. помошь), и счастіе, и всномоществованіе, и спокойствіе, и сила, и здоровье, и порядокъ, и сила, и слава, и воскресеніе, и загробная жизнь, и благоденствіе, и продолжительность, и восхваленіе, и могущественный (вѣроятно вм. могущество), и распределеніе³⁾, и милосердіе, и долголѣтіе владѣльцу сего (сосуда).

Всѣдѣстіе отсутствія діакритическихъ точекъ и несовершенства въ начертаніяхъ буквъ, пѣскоты слова могутъ быть прочитаны ориенталистами и иначе, варианты направились также и у меня; но сущность отъ того пѣсколько не измѣнится: всетаки это будетъ наборъ словъ⁴⁾ для удовлетворенія установившейся традиціи — съ одной стороны, и для декоративной потребности — съ другой. Надписи воспроизведены цинкографическимъ способомъ съ кальки, исполненной Н. Е. Макаренко.

Четвертый поясъ (табл. V, нижняя группа). Охота и забавы.

Сцена 1-я. Всадникъ стрѣляетъ изъ лука въ бѣгущаго на встрѣчу ему зѣбру съ длиннымъ пушистымъ хвостомъ; на зѣбре набрасывается собака съ высоко поднятымъ хвостомъ.

Сцена 2-я. Всадникъ держитъ въ правой руцѣ палку съ загнутыми концами для игры въ

1) Напримеръ, на мюнхенскомъ блѣдѣ, описанномъ Сарре, плетенка, сдѣланная изъ буквъ, еще сложнѣе, чѣмъ на нашемъ котелкѣ. См. Metallschlüssel im National Museum zu München (въ Münchner Jahrbuch der bildenden Künste, 1907).

2) Т. е. заслуженіе Мухаммеда передъ Богомъ.

3) Т. е. правильное возданіе той доли, которая ему слѣдуетъ.

4) Перечень вѣстрѣющихъся на металлическихъ сосудахъ благовожеланій въ алфавитномъ порядкѣ приведенъ въ «Epigraphischer Anhang» von Eugen Mittwoch (Sammlung F. Sarre, «Erzeugnisse islamischer Kunst». Berlin 1906, с. 76—77).

поло¹⁾; шаръ, какъ необходимая принадлежность этой игры, изображенъ передъ лошадью подъ панкою.

Сцена 3-я. Два всадника сражаются съ крылатымъ четвероногимъ чудовищемъ, одинъ спереди, другой сзади; чудовище имѣеть двѣ головы, причемъ вторая голова является развѣтвленіемъ хвоста²⁾. Правый всадникъ воинъ въ раскрытую пасть второй головы длинное копье съ двумя лентами, поднятыми вверхъ; лошадь этого всадника отъ страха отвернула голову въ сторону и склонила ее книзу. Второй всадникъ, скакущий впередъ, оборнувшись къ чудовищу, стрѣляетъ ему въ развернутую пасть изъ высокого поднятаго лука.

Сцена 4-я. Всадникъ стрѣляетъ изъ лука въ рогатое, похожее на быка, животное, отвернувшее голову назадъ; изъ пасти быка вонзились двѣ стрѣлы. Лошадь отъ страха наклонила голову; на крупу лошади сидѣтъ дрессированный для охоты леопардъ или барсъ³⁾ съ длинными хвостами.

Сцена 5-я. Всадникъ ёдетъ на охоту, держа лѣвою рукою ловчую птицу.

Сцена 6-я. Всадникъ поднялъ горизонтально черезъ плечо длинное копье съ лентами, опущенными внизъ; сзади всадника лежитъ стрѣла, повидимому, направленная въ него.

Сцена 7-я. Пѣшій человѣкъ ёхнется, поднявъ правую руку, которую онъ держитъ саблю, закинутую за голову; у пояса прикрытымъ топорикъ. Въ этого человѣка стрѣляетъ изъ лука повернувшейся къ нему всадникъ.

Сцена 8-я. Левъ или тигръ нападаетъ на крупу скакущей со всадникомъ лошади⁴⁾; у всадника выдалась впередъ сабля.

1) Игра въ поло является однимъ изъ любимыхъ развлечений на мусульманскомъ востокѣ, въ особенности въ Персіи. Для этой игры служатъ: шаръ (по персидски: *гуль* *گوی*) и палка съ загнутымъ концомъ (по персидски: *чагран* *چگان*, отсюда и сама игра называется у персовъ *чагран-түб* *چگان-گوی*). О ней см. Gayet, *L'art persan*, Paris, 1895, р. 285. К. А. Иностранцевъ, «Къ исторіи игры въ поло» (*Записки Вост.*, отд. II, Р. А. О., т. XIV, стр. 0111—0113; т. XVII, стр. 277—279).

2) Чудовища съ двумя головами и двойными хвостами встрѣчаются на Востокѣ довольно часто и притомъ съ очень отдаленного времени. Eduard Meugel въ статьѣ «Semerier und Semiten in Babylonien» (Berlin, 1906) собираетъ типы семитическихъ драмонозъ, въ томъ числѣ и двойныхъ (Schwanz-Dramonen); а г. Фан-Бернштѣмъ объясняетъ, что цѣлъ такого изображения есть усиление злого качества или могущества животного. См. Münchner Jahrbuch der bildenden Kunst. 1907. Это подобно тому, какъ древніе греки изображали львовъ съ хвостомъ скorpionia.

3) На Востокѣ въ средневѣковой періодъ очень была распространена охота при помощи пріученныхъ къ тому хищныхъ животныхъ, напримеръ, леопардовъ, барсовъ (у част въ документахъ встречаются: парусники), даже молодыхъ тигровъ и львовъ. При этомъ животное помѣщалось сзади охотника на крупу лошади. Такой мотивъ довольно часто изображался на сосудахъ металлическихъ зеркалахъ и давно уже разысканъ (см. Monumens arabes, persans et turcs, cabinet de M. le duc de Blacas, Par M. Reinaud, Paris, 1828, t. II, p. 426—427). Въ отчетливо рисунѣ такая сцена представлена у Лонперье (Oeuvres de A. De Longpérier. T. I, Pl. VI) и тамъ можно видѣть, какъ охотникъ спускаетъ изѣрь за добчѣй. Зѣрь и изображенъ такого способа охоты: животное въ скользкой позѣ, вѣроятно съ прикрытыми глазами, помѣщается на крупу охотника въ окладѣ, когда оно будетъ направлено изъ потою за убѣгающей четвероногой личью.

4) Поза хищного зѣра не допускаетъ сомнѣй въ томъ, что здесь животное, изѣнчившееся зубами и лошадь, принадлежитъ къ дикимъ, и что художникъ имѣетъ въ виду представить случай нападенія хищного зѣра на охотника. Если бы дѣло касалось дрессированного животного, пріученнаго къ охотѣ, то его сѣдловало бы изобразить иначе, къ тому же размѣры зѣра такъ велики, что ему едва ли возможно уѣститься на крупу лошади даже и при всей условности масштаба въ рисункахъ на котелкѣ.

Сцена 9-я. Всадникъ имѣеть на лѣвой руکѣ ловчую птицу, а правую подніялъ вверхъ.

Сцена 10-я. Сцену эту, вслѣдствіе значительной порчи рисунка, разгадать трудно; видно только, что вверху изображенъ левъ, а внизу собака.

Сцена 11-я. Сцена подобная той, которая отмѣчена подъ 3-мъ номеромъ. Два всадника сражаются съ крылатымъ четвероногимъ чудовищемъ. Чудовище отличается отъ предыдущаго тѣмъ, что хвостъ его не имѣеть головы и опущенъ внизъ. Правый всадникъ ударяетъ копьемъ чудовище въ спину у крыльевъ; лошадь отвернула голову; лѣвый, бѣдущий впередъ, обернувшись, стѣняется изъ лука въ широкую пасть чудовища.

Сцена 12-я. Птица со сложенными крыльями.

Сцена 13-я. Два всадника и поднявшійся драконъ съ змѣинымъ туловищемъ; правый всадникъ держитъ въ лѣвой руکѣ мечъ (?), а въ правой какое-то изогнутое орудіе, которымъ поражаетъ голову дракона, обратившаго открытую пасть со стрѣльчатыми языкомъ къ следующему впереди всаднику. Этотъ послѣдній Ѣдетъ въ спокойной поѣзъ въ лѣвую сторону, держа обѣими руками копье, на которомъ прикреплены двѣ ленты, опущенные внизъ. Такъ какъ этотъ всадникъ не обнаруживаетъ никакого дѣйствія по отношенію къ дракону, то, можетъ быть, онъ составляетъ самостоятельную сцену.

Сцена 14-я. Всадникъ держитъ въ правой руکѣ палку для игры въ поло, а подъ нею изображенъ шаръ.

Сцена 15-я. Всадникъ стрѣляетъ изъ лука въ тигра или льва, вѣшишагося зубами въ крупъ лошади Ѣдущей впереди всадника¹⁾; въ спину льва вонзились двѣ стрѣлы; хвостъ льва оканчивается зѣбровой головкой съ двумя торчащими вверхъ ушами.

Сцена 16-я. Всадникъ изъ предыдущей сцены, лошадь которого подверглась нападенію хищнаго зѣбра, держитъ въ правой руکѣ мечъ или саблю, повидимому, сражается съ другимъ всадникомъ, обернувшись къ нему лицомъ. Второй всадникъ направилъ копье, держа его обѣими руками, на своего противника; на конѣ показаны двѣ ленты.

Сцена 17-я. Всадникъ съ птицей на лѣвой руکѣ, въ правой держитъ какое-то оружіе въ родѣ книжки.

Сцена 18-я. Крылатое четвероногое чудовище подняло дракономъ голову съ открытою пастью; всадникъ, обернувшись, стрѣляетъ въ нее изъ лука. Хвостъ чудовища опущенъ внизъ и конецъ его загнутъ крючкомъ.

Сцена 19-я. Всадникъ, обращенный лицомъ къ зрителю, держитъ въ лѣвой руکѣ протянутое поверхъ плеча копье съ лентами, причемъ острѣе обращено назадъ; въ правой руکѣ онъ имѣеть изогнутую палку для игры въ поло, подъ нею шаръ.

Сцена 20-я. Всадникъ, склонившійся внизъ, быть можетъ, падающій съ лошади, держитъ въ руکѣ поднятую вверхъ саблю.

Внизу по всему кругу изображены цѣпты, чтобы показать, что дѣйствіе происходитъ въ поѣзѣ; такие же цѣпты иногда помѣщены и вверху рисунка для заполненія пустого пространства.

1) Этотъ хищный зѣбръ еще наглядѣе, чѣмъ тотъ, который находится въ сценѣ 8-й, свидѣтельствуетъ о томъ, что здесь изображено дикое животное, такъ какъ въ него попали двѣ стрѣлы, пущенные охотникомъ.

Въ этомъ поясѣ, какъ и въ предыдущемъ, представлены отдельныя сцены, связанныя только композиціей рисунка. Гдѣ начало этихъ сценъ и гдѣ конецъ, сказать трудно, такъ какъ между ними нѣтъ никакого раздѣленія, подобного пальметкѣ, помѣщенной во второмъ поясѣ.

Зѣбрѣ украшены серебромъ и красною мѣдью, у лошадей это сдѣлано въ разбивку, т. е., если у одной лошади голова изъ серебра, а шея изъ мѣди, то у слѣдующей будетъ наоборотъ, хотя этотъ пріемъ не всегда выдержанъ. На лошадяхъ изображена попона съ узорами, но сдѣль ингур не видно.

Пятый поясъ. Онь содержитъ арабескую надпись не сколько иного почерка, чѣмъ дѣй предшествующій, причемъ буквы алиф и лямъ въ верхнихъ частяхъ имѣютъ начертанія человѣческаго лица (таб. II, дѣй верхній поясъ). Четыре медальона дѣлать надписи на четыре части. Первый медальонъ (въ серединѣ нижней полосы) заключаетъ въ себѣ сидящаго человѣчка въ шапочкѣ съ лентой; лицо его немного повернуто вправо; правую рукою онъ опирается на бедро, левая противута къ высокому сосуду; надъ рукой изображенъ серебромъ какой-то предметъ въ горизонтальномъ положеніи. Въ слѣдующемъ медальонѣ на лѣво представлена сидящій человѣкъ, слегка повернувшись вправо; на немъ шапочка съ лентой; изъ правой руки онъ держитъ кубокъ, лѣвую опустилъ на бедро. Подъ правой рукой изображенъ пѣтотъ, такой-же находится ниже ленты. Третій медальонъ подобенъ первому, только отсутствуетъ загадочный серебряный предметъ. Четвертый медальонъ сходенъ со вторымъ. Нимбы едва замѣтны.

Надпись (начало ея въ нижней полосѣ, отъ центральнаго медальона влѣво) читается такъ:

العَزُّ وَالْأَيَّالُ وَالنَّوْلَةُ وَالسَّلَامَةُ وَالسَّعَادَةُ وَالرِّحْمَةُ وَالشَّفَاعَةُ وَالْعَافِيَةُ وَالشَّكْرَةُ وَالنَّصْرَةُ
وَالغَلُوْرُ ○ وَالْعَلَاءُ وَالنَّاتَمَةُ وَالدَّكْرَامَةُ وَالنَّاتِبُ وَالنَّاصِرُ ○ وَالرِّحْمَةُ وَالنَّظَامَةُ وَالنَّوْلَةُ وَالبَيَانُ

○ لِصَاحِبِهِ

То-есть:

Слава и успѣхъ, и господство, и спасеніе, и счастье, и спокойствіе, и заступничество, и здоровье, и благодареніе, и побѣда, и возвеличеніе, и высокій санъ, и совершенство, и почтѣ, и помощь, и защитникъ (вѣроятно, вм. защита), и милость, и порядокъ, и долголѣтіе, и вѣчность владѣнія ему.

По всей надписи расположены разныя животныя. Отъ первого медальона съ лѣвой стороны изображена собака, обращенная мордой вправо; сдѣдующая собака направлена влѣво, передъ нею бѣжитъ зѣбръ съ высокими ушами или рогами и короткимъ хвостомъ, можетъ быть антилопа; далѣе—дѣй собаки одна за другой и обернувшись въ ихъ сторону зѣбръ, похожий на зайца; къ нему же обращена собака съ лѣвой стороны, холовато вправо; собака, направляющаяся въ лѣвую сторону и бѣгущій отъ нея заяцъ; дѣй собаки обращенные другъ къ другу; собака нападаетъ на зайца, который присѣѣтъ, и противъ него какой-то зѣбръ; зѣбръ съ короткимъ хвостомъ бѣжитъ въ правую сторону, за нимъ гонится собака; дѣй зѣбръ, можетъ быть собаки, обращены другъ къ другу; собака, обращенная влѣво, убѣгающій влѣво заяцъ, собака съ тонкой мордой, обращенная вправо, повернула голову назадъ; собака, бѣгущая влѣво; собака бѣжитъ влѣво, противъ нея зѣбръ съ рогами и короткимъ хвостомъ; дѣй собаки одна противъ другой; собака, бѣгущая влѣво и противъ нея зѣбръ съ длинными ушами; собака, бѣгущая влѣво и какой-то зѣбръ, повидимому съ рогами, также обращенный влѣво.

Нижняя часть котелка украшена венком изъ вѣтокъ съ цветочными бутонами, сдѣланыя попеременно серебромъ и мѣдью. За этикъ вѣнкомъ слѣдуютъ удлиненные картины, чи-сломъ восемь, въ которыхъ изображены парами животныхъ, обращенныхъ другъ къ другу головами; а именно (съ права на лѣво): два зайца, двѣ антилопы (?), двѣ собаки, собака и антилопа, двѣ антилопы, двѣ собаки, двѣ антилопы, два зѣбра съ пушистыми хвостами. Между картинами помѣщены вѣрхушки кружевъ плетени (табл. IX).

Дно котелка. Оно орнаментировано вѣнкомъ, подобнымъ тому, какой находится спирожки котелка (табл. IV). Въ центрѣ помѣщена круглая шиничка, высотою 0,45 сантим., покрытая украшениемъ въ видѣ зѣбодочки, лучи которой сдѣланы попеременно серебромъ и мѣдью. Назначеніе шинички мнѣ неизвестно. Въ послѣдствіе ее перестали дѣлать; но память о ней сохранилась въ рисункахъ, традиционно помѣщавшихся посерединѣ гравировокъ на дѣтскихъ сосудахъ позднѣйшаго времени. Для сравненія здесь приводится снимокъ съ мѣдной чашки изъ собраній В. В. Бельминова-Зернова, приобрѣтеннаго Имп. Эрмитажемъ, № 7520.12 (табл. VI, № 3).

Тронъ, изображенный на котелкѣ (рис. 1), заслуживаетъ особыго изслѣдованія. Онъ не принадлежитъ къ самостоятельному явлѣнію въ мусульманскомъ искусстваѣ, а замѣстителемъ изъ области совершиенно чуждой мусульманству, изъ религіи буддистовъ. Казалось бы, что мусульманскимъ художникамъ слѣдовало вдохновиться для подобныхъ мотивовъ тронами персидскихъ царей, если не Ахеменидовъ, то по крайней мѣрѣ Сасанидовъ, на что у нихъ была всякая возможность, такъ какъ и тѣ, и другіе троны изображались во многочисленныхъ памятникахъ, напримѣръ, на барельефахъ, на предметахъ домашняго обихода, и т. п. Сасанидскій тронъ имѣеть видъ ложа, съ подушками, лежащими одна на другой у лѣваго бока царя¹⁾. Царь сидѣть на тронѣ, спустивъ или обѣ ноги, или только одну, подложивъ подъ себя другую. Но не это тѣнѣ было усвоено мусульманскими художествомъ для металлическихъ сосудовъ, а другой, выработанный буддийской иконографіею. Такое предпочтеніе, оказавшее послѣднему, тѣмъ болѣе странно, что съ нимъ несомнѣнно и явно было связано религиозное представленіе, тогда какъ съ первымъ ничего подобнаго не соединялось. Что сѣверный буддизмъ сдѣлалъ значительные успѣхи въ Средней Азіи въ эпоху Сасанидовъ, это теперь выясняется все болѣе и болѣе; оттуда онъ могъ взять и на Персию. Съ напѣтствіемъ арабовъ и съ распространѣніемъ ислама, культурное влияніе буддизма исчезло тамъ, какъ видно, не сразу; а религиозная живопись даже перешла къ мусульманамъ.

Если мы сравнимъ тронъ на котелкѣ съ тронами Будды въ иконахъ близкихъ къ тому же времени, то увидимъ поразительное сходство между ними: тѣ же низенькия ножки и высокие столбики, оканчивающіеся на верху особаго рода украшеніями. Подтверждѣніемъ тому, что на мусульманскомъ тронѣ, какъ въ данномъ случаѣ, такъ и въ многихъ другихъ, изображены дѣйствительно столбики, можетъ служить лѣнивая икона съ Буддою изъ получившихъ большую извѣстность раскопокъ полк. П. К. Козлова изъ Хара-Хото (табл. X, № 3). Оригиналь, сдѣянный изъ глины, необыкновенно эффектенъ по красивому сочетанію позолоты и красокъ: розовой, голубой, зеленої блѣющей. Будда сидѣть на лотосѣ, помѣщенному на тронѣ, имѣющемъ рѣзные столбики; какое было на нихъ украшеніе, сказать, за отсутствіемъ верхней части, трудно, но

1) Я. П. Смирновъ, «Восточное серебро». С.-Пб. 1909.

по всей вероятности тамъ были птицы. На мусульманскихъ тронахъ столбки увѣличиваются шариками, насыдами въ видѣ четырехугольного наконечника копья¹⁾, но чаще примѣняются для этой цѣли изображенія животныхъ. Подъ трономъ котелка находится небольшое серебряное подукружіе, обращенное ободкомъ внизъ; значеніе его вполнѣ выясняется буддийскими тронами: это — сѣслившійся стъ сидѣнья коверъ. Для сравненія прилагается снимокъ стъ буддийской иконы на ткани изъ находокъ П. К. Козлова въ Хара-хото (табл. X, № 1). Рисунокъ чрезвычайно типи-

Рис. 3, 1½ влт. ваз.

ченъ по обилию декоративныхъ подробностей: на верху трона двѣ мифическія птицы хамса, играющія видную роль въ буддийскихъ легендахъ, принадлежащія къ породѣ утиныхъ и отливающіяся пріятнымъѣ пѣніемъ; по сторонамъ трона поднявшіяся на заднія ноги антилопы; ниже ихъ изображены головы бѣлыхъ слоновъ; стъ сидѣнья спускается полуокруглый коверъ, обшиптый бахромой. Тронъ поддерживается четырьмя животными, изъ нихъ несомнѣнно два льва и, можетъ быть, два тигра. «Львиный тронъ» перешелъ и въ мусульманское искусство. Въ собраніи

1) Напримеръ, на баптистеріи св. Людовика. См. *Oeuvres de A. De Longpérier*. T. I, p. 463.

Ф. Р. Мартина¹⁾ находится медная лохань, орнаментированная снаружи сценами сражений и медальонами, въ которыхъ изображенъ государь на троѣ, поддерживаемъ двумя львами, между ними сидящій коверъ (табл. X, № 2).

Буддійское влияніе проявляется въ персидскомъ искусствѣ и послѣ паденія Сасанидовъ. На нѣкоторыхъ серебряныхъ блюдахъ, относимыхъ Я. И. Смирновымъ къ мусульманскому уже времени, по имѣющимъ изображеніе сасанидскихъ царей, мы видимъ буддійскую особенность: троицъ царя поддерживается грифонами, крылатыми конями и львами²⁾). Но выдающійся интересъ представляется въ данномъ отношеніи серебряное блюдо, принадлежащее графу Г. С. Стро-

Рис. 4.

ганову и помещенное въ Альбомѣ «Восточное серебро» подъ № 64-мъ³⁾). На троѣ, изображенному въ условленіи видѣ — не горизонтально, а наклонно, — сидитъ сасанидский царь, сложивъ ноги такими неестественными и невозможными способамиъ, какими обыкновенно складываются онѣ у Будды, т. е. подошва ступни обращена вверхъ, и притомъ правая нога лежитъ сверху лѣвой. Это явленіе чисто буддійское. Сходство идетъ дальше: троицъ поддерживается двумя львами и между ними прымкаетъ къ трону фигуры предметъ, значеній котораго теперь не подлежитъ сомнѣнію, это — коверъ, спускающійся съ трона, изображенный художникомъ, намѣренно или во исполненіи, не полуокружаетъ, а въ видѣ цвѣтка, быть можетъ лотоса (рис. 3).

1) Ältere Kupferarbeiten aus dem Orient gesammelt von F. R. Martin. Stockholm, 1902. Taf. 20 A.

2) «Восточное серебро», табл. XVI, № 39; XXIV, № 51.

3) Тамъ же, табл. XXXV, № 64. Запись о немъ Я. И. Смирнова находится на 6-й страницѣ Введенія.

Возможно, что и вѣночъ изъ лепестковъ или листьевъ, и драконы головы котелка удастся современемъ объяснить изъ того же источника — изъ буддийской иконографии. Право на такое предположеніе даетъ одинъ предметъ изъ Хара-хото, это — большая деревянная доска, на которой нарисованы мандаль съ сидящими на тронѣ Буддой; вокругъ трона, съ четырехъ сторонъ, изображены головы чудовищъ, похожія на драконовъ, а по борту мандалы находятся вѣночъ изъ листьевъ лотоса (рис. 4). Эта подробность требуетъ еще дальнѣйшихъ изысканій.

При описаніи первого поиска на котелкѣ графа Бобринского я отмѣтилъ, что у сидящихъ на тронѣ фигуръ лица окружены nimбомъ, наведеннымъ красною мѣдью, чтобы отдѣлить эту подробность отъ лица, которое изображено серебряною пластинкою. Нимбъ исполненъ не совсѣмъ

Рис. 5, nat. vel.

отчетливо и до некоторой степени неопределенно, почему понять его можно было только по сравненію съ подобными же рисунками на другихъ металлическихъ сосудахъ. Для наглядности здѣсь дается снимокъ съ мѣдной, инкрустированной серебромъ круглой коробочки, съ тремя медальонами, изъ собранія Музея барона Штиглица, по реестру № 6155 (рис. 5). Въ одномъ изъ медальоновъ, сравнительно хорошо сохранившемся, представлена играющая на кларнетѣ женщина въ nimбѣ и съ развѣвающейся головной лентой, перегнувшейся кольцомъ. Мотивъ оказывается общимъ для котелка и для коробочки, и надо замѣтить, что онъ встречается довольно часто. Конечно, мусульманское искусство усвоило nimбъ не въ значеніи атрибута святости, а просто, какъ красивую декорацию. И странно, что эта декорация примѣнялась одновременно и къ царственнымъ особамъ, и къ ихъ служителямъ.

Въ заключеніе мѣй остается сказать нѣсколько словъ по поводу сообщенія объ этомъ котелкѣ К. А. Иностранцева въ засѣданіи Восточного отдѣленія И. Русскаго Археолог. общества 22 ноября 1907 г.¹⁾. Оговариваясь, что самый сосудъ видѣлъ онъ случайно и мелькомъ, г. Иностранцевъ тѣмъ не менѣе очень рѣшительно высказалъ свою точку зрѣнія на происхожденіе этого сосуда, вмѣстѣ съ тѣмъ привѣлъ рядъ соображеній по поводу рисунковъ, на немъ помѣщенныхъ, и опредѣлилъ мѣсто его среди другихъ подобныхъ памятниковъ. Въ изображеніи дракона съ разинутой пастью г. Иностранцевъ усмотрѣлъ личный гербъ ортукидскаго владѣльца Хиснъ-Кейфы, Фахр-ад-Дина Кара-Арслана, правившаго изъ Дирберкѣ съ 1148 по 1174 г. На этомъ основаніи г. Иностранцевъ подтверждалъ, съ одной стороны, что котелокъ появился въ Дирберкѣ, чѣмъ будто бы колеблется теорія Сарре о происхожденіи этого рода производства XIII-го вѣка въ сѣверной Месопотаміи изъ Армениіи и сѣверо-западной Персіи; съ другой — въ сидящемъ на троѣ человѣкѣ онъ признавалъ портретное съ геральдическими элементами изображеніе Кара-Арслана, чѣмъ подтверждалось бы существованіе портретныхъ изображеній въ ранне-мусульманскомъ искусствѣ, что одніми доказывалось (Нютцель, Сарре), другими (Хартманнъ) отрицалось.

Стройная изложенія теорія г. Иностранцева не находитъ, однако, подтвержденія въ самомъ сосудѣ, но смотря на совпаденіе даты его со временемъ царствованія Кара-Арслана. Исходнымъ пунктомъ заключенія почетнаго ориенталиста служитъ гербъ этого ортукида — драконъ. Хотя драконъ довольно часто изображается на монетахъ данной династіи, но всего менѣе на монетахъ Кара-Арслана, а преимущественно позже²⁾, что какъ будто идетъ въ разрѣзъ съ личными, а не семейственными гербами этого владѣльца.

Г. Иностранцевъ пишетъ: «По сторонамъ его (т. е. сидящаго на троѣ человѣкѣ) лѣвъ, обращенный къ нему, драконъ головы съ разинутыми пастью, на длинныхъ шеяхъ въ видѣ столбовъ надъ трономъ». Но это не шеи, а настоящіе столбы, которые мы видѣли на буддийскомъ тронѣ (табл. X, № 3) и которые встречаются часто на мѣдныхъ сосудахъ средневѣковаго мусульманскаго периода. Если адѣль надо видѣть гербъ, то и другіе насады, напримѣръ, шары, тоже должны играть геральдическую роль? Что въ данномъ тронѣ мы имѣемъ дѣло только съ подражаніемъ буддийской иконѣ, т. е. только съ простымъ украшеніемъ, а не съ гербомъ, можно видѣть изъ того, что подобныя же драконъ головы орнаментируютъ буквы первого пояса; а это обстоятельство необходимо должно было ослабить геральдическую идее художника, если онъ ее имѣлъ.

Если бы на сосудѣ дѣйствительно находился портретъ Кара-Арслана, то это было бы пріобрѣтеніемъ большой важности; но ничего подобного я адѣль не вижу. Это не только не попытка дать портретное изображеніе, но только не шаблонное стремленіе къ этой цѣлѣ, а прямо нелѣное изображеніе человѣческаго лица. Берется круглая серебряная пластинка, на которой проводятся рѣзкомъ глаза, носъ и ротъ; но исполняется это такими примитивными способомъ, что по рисунку нѣть никакой возможности рѣшить: представлено ли въ томъ или въ другомъ

1) Записки Восточною отдельенія И. Р. А. О., т. XVIII, вып. 4, Протоколы, стр. XVI—XVIII.

2) Если не ошибаюсь, первыхъ монетъ съ дракономъ относится къ 585 г. гидры (1189 г.) и принадлежитъ Имад-ад-Дину Абу Бекру (съ 581 г. — около 600 г.) и описана въ «The international numismatic oriental» (London, 1875) такъ: Figure, almost naked, on serpent; tail of serpent coiled six times; extremity held in left hand of figure. «Coins of the Urtuki Turkumans». By Stanley Lane Poole. P. 23.

случае лицо мужское, или женское? Сидящий на троне человечек изображен молодымъ, между тѣмъ во времени изготовления сосуда Кара-Арсланъ процветировалъ слишкомъ 15 лѣтъ, а потому едва ли ему, хотя бы и туркмену, подобало совсѣмъ беззбродное лицо¹⁾.

¹⁾ Повнимому, на г. Иностранцева подъѣзовала въ данномъ случаѣ статья Карабачека «Zur orientalischen Altertumskunde. Sarazeneische Wappen». (*Sitzungsberichte d. Kais. Akademie der Wissenschaften* in Wien, 157 E, Wien, 1907).

11-29680

Mn 32550

Рис. 6.

Поправки и дополнения.

Пользуюсь указаниями академика С. Ф. Ольденбурга, чтобы исправить следующие неточности, допущенные мною при описании мацдам из Хара-хото (стр. 18): 1) на тронѣ сидѣть не Будда, а богиня Ушнинавиджала (*Usnīśavigayā*); 2) вместо выражения «вокругъ трона, съ четырехъ сторонъ изображены головы чудовищъ, похожія на драконы», правильнѣе сказать: «въ четырехъ воротахъ стѣны, окружающей богиню, находятся мѣакара (*makara*), напоминающіе драконовъ», потому что распросраненный въ буддийской иконографіи.

Благодаря исключительной любезности С. Ф. Ольденбурга, заказавшаго для меня въ Берлинѣ, во время своей послѣдней поѣздки за границу, несколько фотографическихъ снимковъ съ восточныхъ древностей, я получила возможность дополнить свое описание трона на гератскомъ котелкѣ новыми рисунками, подтверждающими, какъ мнѣ кажется, мое мнѣніе, что по сторонамъ трона изображеніе не геральдические драконы, а просто столбки съ тѣмъ или другими украшеніями.

Рисунокъ № 6-й изображаетъ крышки отъ бронзовой шкатулки, находящейся въ Императорскомъ Фридрихъ-музѣѣ. Серебряная набивная инкрустация въ значительной степени утратилась, что сильно предредитъ художественному впечатлѣнію, но въ общемъ рисунокъ вполнѣ ясенъ. Съ трона, на довольно высокихъ ножкахъ, свѣсился внизъ коверь фигурного вида, какой

ковры обыкновенно не имѣютъ; повидимому, художникъ не понялъ, чѣмъ за предметъ предстоило ему изобразить, и вместо ковра представилъ какое-то украшеніе трона съ завитками по обѣимъ сторонамъ его. Столбки трона очень высоки и имѣютъ вверху раструбы въ видѣ чашъ, которыя никакимъ образомъ не могутъ служить геральдическимъ изображеніемъ. На тронѣ воссѣдаетъ царь въ длинномъ одѣяніи, запахнувшись правую полою, въ коронѣ, окруженній nimбомъ. Онъ сидѣть не прямо на помостѣ, а совсѣмъ необычно: какъ-бы на скамейкѣ или табуретѣ, поставленной на тронѣ, или же на подушкахъ (этого предмета не видно). Въ правой рукѣ царь держитъ сосудъ, а что у него въ лѣвой — сказать трудно, повидимому, рукоятка отъ меча. По обѣимъ сторонамъ трона поставлено по стражнику. Стоящій вѣтѣ отъ царя держитъ топорь въ лѣвой рукѣ на лѣвомъ плечѣ, а правую рукой подаетъ царю какой-то предметъ, приведшійся попрекъ столбика отъ трона; на поясѣ виситъ длинный мечъ; на головѣ небольшая шапочка, лицо окружено nimбомъ. Стоящій справа держитъ въ лѣвой рукѣ три стрѣлы острѣями вверхъ; чѣмъ у него въ правой рукѣ, этого я понять не могу; на поясѣ такой же мечъ, какои у первого стражника; nimбъ вокругъ лица и шапочки, какъ у перваго. Весь рисунокъ заключенъ въ рамку изъ меандровъ китайскаго типа.

Рис. 7.

Рисунокъ № 7-й полученъ съ попечерной стороны той же бронзовой шкатулки. Тронъ имѣеть некоторое сходство съ тѣмъ, который изображенъ на рисункѣ 6-мъ; но еще болѣе

уклонился от первоначальных традиций. Вместо ковра изображена фигура пленника, которую мы иногда встречаемъ на татарскихъ монетахъ XIV в., а также на русскихъ суздальско-нижегородскихъ XV в.; столбики очень тонкие, точно изъ тростинки, расширяются вверху раструбами, какъ у предыдущаго трона, и гармонируютъ съ пѣтами на тонкихъ стебляхъ по обѣимъ сторонамъ трона. На тронѣ сидитъ молодой царь, нѣсколько неестественно сложивъ ноги; на немъ зубчатая корона, лицо окружено широкими и сложными nimбомъ; въ правой руцѣ онъ держитъ, надо думать, кубокъ, лѣвую опустилъ внизъ. Царь заключенъ въ круглую рамку изъ меандровъ китайскаго типа. По обѣимъ сторонамъ царя поставлены два стражника въ длинномъ одѣяніи, въ небольшихъ шапочкахъ на головѣ и съ широкими nimбами вокругъ лица. У каждого стражника на плечѣ бузава, у стоящаго отъ царя лѣво — кубической формы, у другого — шарообразной формы.

Рис. 8.

Рис. 9.

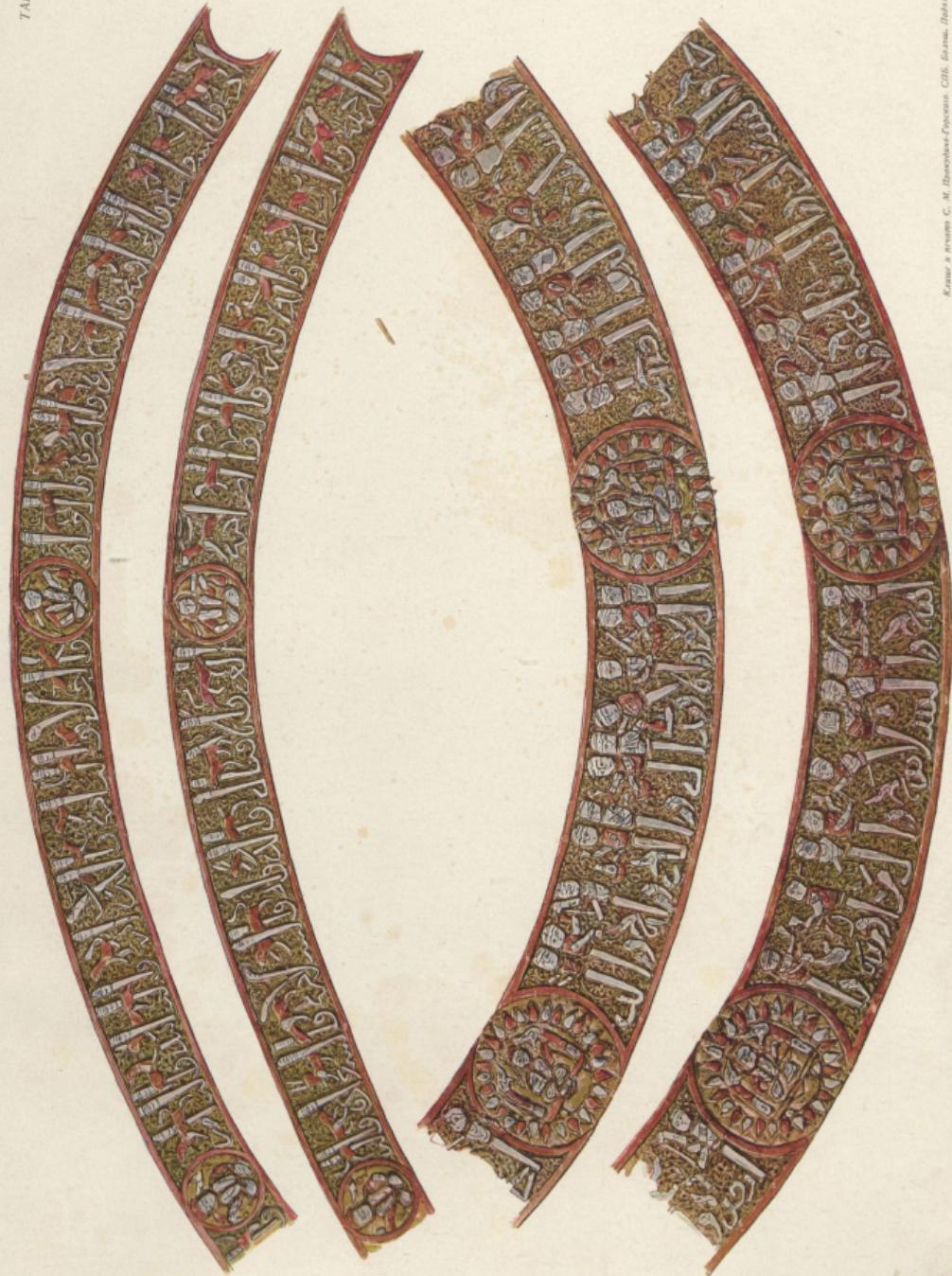
Рисунокъ № 8-й. Нѣсколько иной видъ трона представленъ на обломкѣ поливной персидской фаянсовой чашы изъ собранія профессора Ф. Саре, который предоставилъ въ мое распоряженіе снимки какъ съ этого, такъ и съ слѣдующаго изображенія, за что я приношу г. Саре мою глубокую благодарность. Тронъ стоитъ на четырехъ ножкахъ; коверь обозначенъ двумя изогнутыми полосами; вверху столбиковъ утверждены карнизы, а на немъ помѣщены два насада, окраска которыхъ мѣняется: у одного низъ темный, а верхъ сѣтчатый, у другого наоборотъ; тѣт же порядокъ наблюдается и на ножкахъ трона. Такой приемъ мы видимъ на металлическихъ сосудахъ, когда орнаментированы серебромъ и бронзой чередуются между ними въ обратномъ порядке. На тронѣ сидитъ, судя по ниспадающимъ волосамъ, царевичъ съ украшеніемъ на лбу и въ nimбѣ. Съ двухъ сторонъ трона прислужницы, не имѣющія nimбовъ.

Рисунокъ № 9-й снятъ съ подобной же чашы, также изъ собранія г. Саре. На четырехъ столбикахъ трона утверждены четыре насада, что вполнѣ наглядно опредѣляютъ ихъ значеніе.

Миѣ остается еще исправить одну ошибку, вкравшуюся въ цвѣтное воспроизведеніе пятой сцены изъ состязаній, на таблицѣ V (верхняя полоса). Въ описаніи сказано вѣрно, что сидящій съ поджатыми ногами человѣкъ имѣеть бороду (стр. 8); между тѣмъ при наложеніи красокъ получилось молодое лицо, что несогласно съ дѣйствительностью.

Н. В.

I.

7 6 5 4 3 2 1

14 13 12 11 10 9 8

20 19 18 17 16 15

II.

5 4 3 2 1

11 10 9 8 7 6

16 15 14 13 12

20 19 18 17

4

Drawing of a band of ornament from a manuscript.

2.

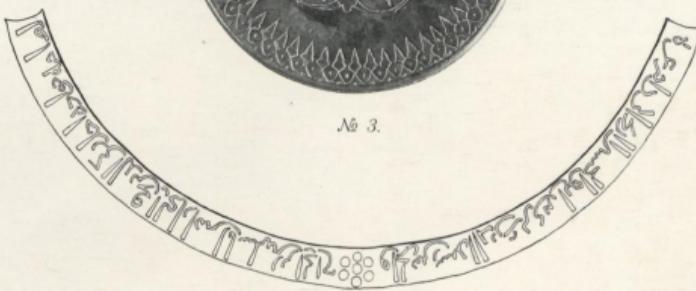

3.

№ 1.

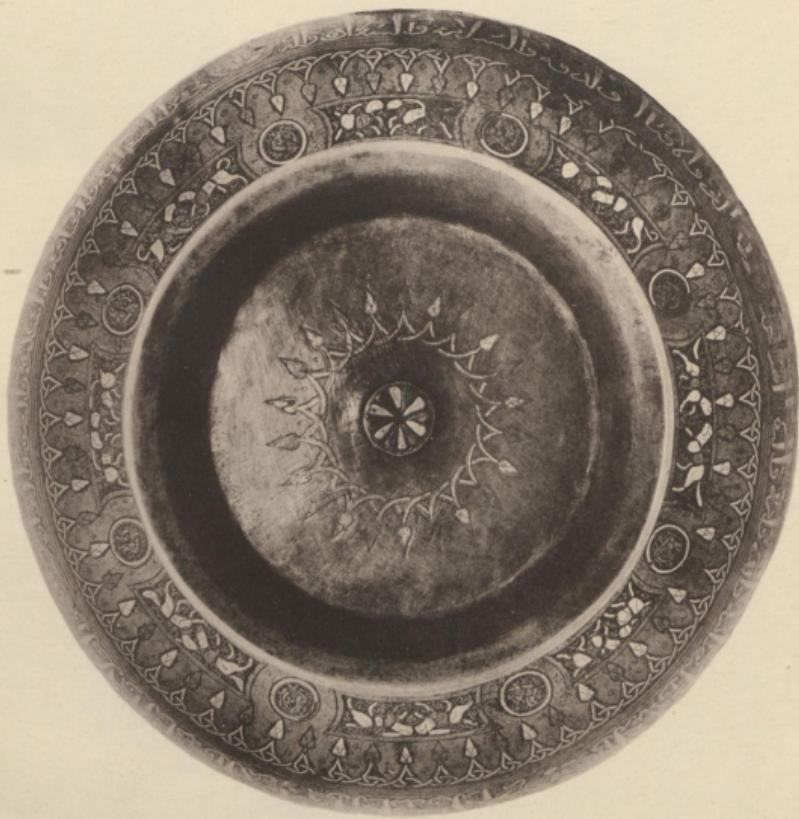
№ 3.

№ 2.

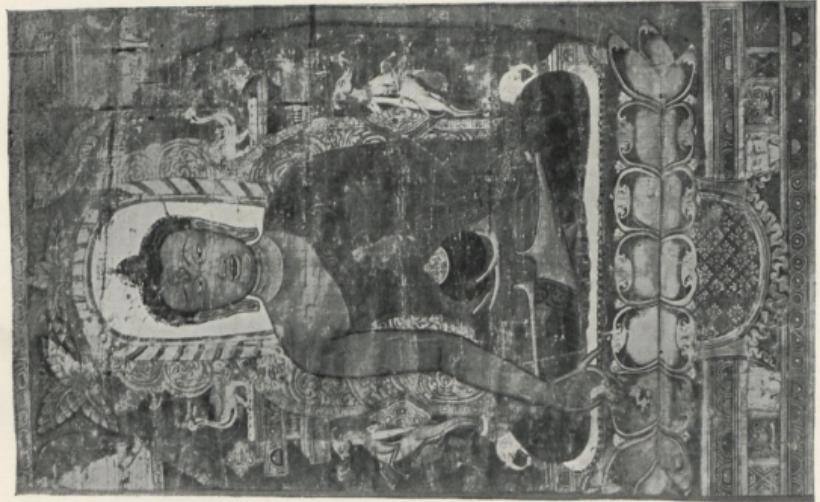

№ 2.

№ 3.

№ 1.

Обн. 1965
Акт РК + 6411

ГАБ-Русский фонд
Сок. 196-333

Б-9

Ир 16 3-33